

нечно, было и соображение морального порядка, хорошо выраженное в одной из притч «Пчелы», переведенном памятнике конца XIV века: своего друга поставил царь с судьями судить, потом, поняв, что он подкрашивает бороду и волосы, «сведе и [его] от судниского стола, рече: аще власомъ своимъ невѣренъ еси, то како людемъ и суду вѣренъ можеши быти?».

Многие обычаи, преданья, поверья и приметы, встречающиеся у русских и теперь, обязаны своим происхождением язычеству. Многие возникли позднее и отразили только внешнюю связь с духом древнего язычества. Большинство из них наполнилось новым содержанием и смыслом, а часть стала предметом забавы и развлечения, сохранив отголоски прежнего очарования и прелести.

Н. В. ЧУРМАЕВА

В современной исторической науке термином Золотая орда одинаково широко пользуются авторы научных трудов и популярных работ, специальных монографий и школьных учебников. А между тем исследования в области русско-татарских отношений нередко по-разному очерчивают даже временные контуры тех событий, с которыми связано понятие Золотой орды: в одном случае под Золотой ордой понимается Улус Джучи (атарское государство XIII—XIV веков), в другом — совокупность татаро-монгольских ханств на территории Юго-Восточной Руси с центром в Сарая (в период с 1236 по 1480 год).

Кроме того, в специальной литературе в разное время пользовались различными терминами: чаще Орда, Улус Джучи и лишь в сравнительно недавнее время, уже в XX веке, в русской исторической литературе предпочтение было отдано термину Золотая орда.

Все эти факты, по-видимому, связаны с какими-то конкретно-историческими, еще плохо выясненными условиями утверждения сочетания Золотая орда в русском языке в качестве термина. Об этом писали и сами историки. В книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда и ее падение» (1950) высказывается предположение, что термин «Великая золотая орда» применялся к Орде Чингиз-хана. Возник он, возможно, под влиянием названия Цзиньского царства (Северный Китай), императора которого персидские источники именуют Алтан-ханом, то есть Золотым ханом. Однако, авторы книги вынуждены констатировать: «Так до сих пор и остается открытым в науке этот вопрос». С тех пор вышло несколько обстоятельных исследований по истории Золотой орды, однако изучение объема и истории самого термина мало продвинулось вперед.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских летописях термин Золотая орда отсутствует под годами записи, современными игу. Сочетание Золотая орда вообще появляется в русских памятниках лишь в XVI веке. В связи с этим не кажется безупрочным утверждение, содержащееся в V томе «Советской Исторической Энциклопедии» (статья «Золотая орда»): «В восточных источниках государство называется Улус Джучи, в русских летописях — Золотая Орда».

Чем объясняется, что этим термином не пользовались первые историки-летописцы, современники тех событий? В какой мере термин можно считать заимствованным? Да и когда сочетание Золотая орда стало термином?

Лингвистический характер этих вопросов очевиден. Поэтому в данной статье приводится языковой материал и некоторые, связанные с ним соображения, которые могли бы дать наблюдениям историков дополнительную аргументацию. Вопрос об истории термина Золотая орда целесообразно, по-видимому, разделить на несколько более частных вопросов: происхождение наименования, бытование его в русской письменности, формирование его как термина.

Слово *орда* известно с древнейших времен китайским, монгольским, персидским памятникам письменности, где оно означало первоначально шатер, юрту, ставку. В Сборнике летописей на персидском языке, составленном видным историком и политическим деятелем периода монгольского правления в Персии Рашид-ад-Дином (1247—1319), сочетание *золотая орда* употреблено именно в этом конкретном значении. В Летописи Чингиз-хана под 1224—1225 годами есть запись о том, как в первый раз охотились его сыновья. После охоты, «когда они все оттуда отправились, он расположился в местности Бука-Суджину и повелел разбить большую золотую орду, устроить многолюдное собрание и сделать великое пиршество».

В примечании издателей к этому месту говорится: «В тексте *урду* и *заррин* и *бузург* — Большая Золотая Ставка. В Хэй-да ши-люэ, то есть „Записках о черных татарах“ — китайском источнике XIII века (1237), описывающем быт и нравы монголов того времени, сообщается о „золотом шатре“. Согласно этому источнику, „золотой шатер“ представлял собой большую монгольскую юрту, вмещавшую несколько сот человек и ставившуюся ханом в особо торжественных случаях. Так как столбы и порог в ней были обернуты золотом, то ей и было присвоено название „золотой шатер“. В нашем тексте речь, видимо, идет об аналогичной царской ставке» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.—Л., 1952).

Известен и другой факт. В 1245 году итальянец Плано Карпини, автор книги «История монголов, именуемых нами татарами», вместе с группой монахов предпринял путешествие в Среднюю Азию к великому каану (правителю), где его принял император Гуюк. Карпини рассказывал, что для Гуюка был сооружен шатер, который называли «золотой ордой». Он стоял на столбах, покрытых золотыми листьями, и прибит был золотыми гвоздями. Подробно об этом рассказано в книге Г. А. Федорова-Давыдова «Курганы, идолы, монеты» (М., 1968).

Употребление слова *золотой* в таких случаях могло иметь, по-видимому, и несколько иное значение, если учесть символику цветообозначения в

восточных языках, на которую обращают внимание современные исследователи-ориенталисты: Анн-Мари Габэн, О. Прицак, Г. Людат.

Известно, например, что еще в 221 году н. э. в Китае каждому из четырех направлений стран света — востоку, западу, югу, северу — символически соответствовали цвета: голубой/зеленый, белый, красный и черный. Такие же космологические построения и их обозначения были у тюркских и монгольских народов. Об этом свидетельствуют многочисленные этнонимы и топонимы этих территорий, содержащие элементы kök 'голубой' (Кок-орда в летописях, Коктебель), aq 'белый' (Ак-орда в летописях, Ахтуба — 'Белый бугор'), qizil 'красный' («Кызылбашъ называются персияне... а потатарски красноголовые, государство же именуютъ Иранъ». В. Н. Татищев. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793), qara 'черный' (Каракумы — черные пески, «Каракалпаки — татарский народ, имя значит черные шапки, живут великими деревнями при Аральском море на северной стороне». Там же). Это подтверждается и древнерусскими историками, которые обнаруживают достаточно широкое знакомство с такой символикой цветообозначения, например: «Нъкоторые царь именемъ Темиръ Аксакъ, изыде отъ восточныя страны отъ Синия орды, отъ Шамахийския земли» (Книга Степенная царского родословия. 1560-е годы).

В источниках встречаем и сочетание Белая Русь (название Руси у тюркских народов) и Белый царь (название русского царя в обращении к нему представителей тюркских народов): «И кызылбашской гонецъ Искендеръ говорилъ: прислалъ меня государь нашъ Аббасъ шахъ къ великому государю вашему съ своею любительною грамотою... а посылаючи, наказалъ мнѣ: какъ... доѣдешъ брата моего великого государя белого царя Федора Ивановича в[еликого] Р[усского] государства до Москвы, и ты тое бологодѣть отдай въ его царскую казну» (Посольство в Персию князя Андрея Звенигородского. 1596).

Известно название Средиземного моря как Белого, возможно, западного, а Красного (Черного), возможно, как южного: «А от Лиды до Рамли — 2 поприща, а от Рамли до Афы до пристани, гдѣ корабли приставают на Бѣлом море, 10 поприщ» (Поклоненье св. града Иерусалима. 1531); «До Кипрьского острова Белым моремъ бежат 1000 версть» (Слово о некоем старце. 1640); «Во Ерусалиме и во Цареграде и во всѣхъ окрестныхъ городехъ от тѣхъ окаянныхъ... волков поганского языка около Бѣлово и Чермнаго моря... православная... вѣра разорена» (Азовские повести XVII века).

Вторичным, хотя и достаточно древним, у тюрков, монголов было употребление слов, обозначающих желтый и золотой цвет, в смысле 'срединный, центральный'. Так, исследователи предполагают, что Алтайские горы получили свое название, связанное с монгольским и тюркским *алтан* 'золото', в середине VI века, так как эти горы Центральной Азии находились тогда в центре империи.

В выражении «золотой род Чингизидов», а затем «золотой род Джучидов» слово *золотой* также имеет, но-видимому, значение 'главный, центральный, основной'. Б. Я. Владимирцов в книге «Общественный строй монголов» (Л., 1934) отмечает: «По обычаю монголов женитьба на дочери хана делала его гурgenом, то есть ханским зятем, своего рода членом царского

рода и давала большие права, за исключением права на трон. Претендовать на ханский трон имели право лишь лица, принадлежащие к „золотому роду Чингизидов по мужской линии“».

Возможно, позднее конкретное значение сочетания *золотая орда* — «богато убранный шатер, ставка» — стирается, приобретая черты обобщенности: «коренной юрт, стойбище, лагерь хана» и даже «центр удела, столица». Кстати, тюркское название главного города хазар *Sarighazar* (буквально «желтые хазары») означало также «центр, столица Хазарского государства». Возможно, по его срединному местоположению был назван на территории Улуса Джучи и город *Sarigšin* от тюркского *sarig* «светлый, желтый».

Татарских памятников письменности периода существования Улуса Джучи не сохранилось, если не считать ханских ярлыков. Однако сохранившиеся свидетельства (русские летописные, а также персидские, составленные на тюркской основе) говорят о том, что сами татары именовали себя как государственную единицу в тот период (1291—1312 годы) Кок-ордой, или Синей ордой, то есть восточной (см. подробнее об этом статью Г. А. Федорова-Давыдова «Аноним Искандера и термины Ак-орда и Кок-орда» в сборнике «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968).

Мы не располагаем сведениями о том, что термин Золотая орда в этом последнем значении есть в тюркских, арабских или персидских источниках, современных существованию золотоордынского государства.

В русских памятниках письменности слово *орда* появляется с началом татаро-монгольского нашествия. Под годами записи, современными татаро-монгольскому игу, которое, по словам К. Маркса, «оскорбляло и иссушало самую душу народа», здесь употребляется только термин *орда*. В XIII—XIV веках оно обозначало ханскую ставку, стан, лагерь, коренной юрт кочевого племени, центр удела, улуса (государственной единицы): (1243): «Поиде в Орду ко царю Батыю князь Ярослав Всеволодичь и прииде из Орды пожалованъ» (Устюжский летописный свод XVI века); (1257): «Тое же зимы приеха Глѣбъ Василкович ис Кану земли от цря и оженися в Вордѣ» (Лаврентьевская летопись. 1377); «Здумавъ же князь Олександро и благослови его епископъ Юриль и поиде ко цареви в орду. Видѣвъ его царь Батыи и подивися и рече к велможам своим воинстину ми повѣдаша, яко пѣсть подобна сему князю; почѣстивъ отпусти и съ честию» (Житие Александра Невского XIII века; рукопись XVI века).

Возможно, что слово *орда* к концу XIV века стало обозначать не только ставку Батия, столицу Батия, но и весь Улус Джучи, татарское государство. Это следует из противопоставления в тексте Орды и Руси: «А добра ти намъ хотѣти во всемъ в ордѣ и на Руси. А что ти слышавъ о нашемъ добръ или о шѣсть отъ крестьянина или отъ поганина, то ти намъ повѣдати в правду» (Договорная грамота московского князя Василия Дмитриевича с князем Серпуховским. 1390).

Однако главным значением слова *орда* в XIII—XIV веках было «ставка хана».

Сам огромный Улус Джучи, занимаемая им территория, обычно обозначались в русских источниках словосочетанием Великая, Большая орда, а для определения отдельных частей улуса использовались сочетания Белая, Синяя орда: «Ншиѣ послалѣ есмъ к вамъ слуги наши Асана и Тулу Очюю то повѣдати вамъ нашему брату абы то вѣдали вы — што межѣ твоеѣ

земль суть княжения волости давали выходъ Бѣлой Ордѣ то намъ наше дайте» (Грамота хана Тохтамыша польскому королю Ягеллу. 1393); «Про-рекоша великой орды разорение» (Житие Ионы митрополита Московского. XVI век); «Батяя царя Большие орды» (Житие Ефросинии Суздальской. 1349—1558; рукопись XVII века); «Темирь... всѣ орды поплени... Синюю орду иже есть близъ Индѣи прииде къ Великой ордѣ» (Книга Степенная); «Прииде нѣкоторыи царь именемъ Темирьзакъ, с восточныи страны, от синии орды, от самахирския земли, от заецких татаръ» (Пролог сентябрьской и мартовской половины года. М., 1643).

К 1396 году, когда на территории Улуса Джучи временно возникло четыре независимые друг от друга орды (орда Куюрчака вблизи Сарая, орда Тимур Кутлука в районе Астрахани, Мангытский юрт Едигея за Яиком и орда Тохтамыша в Крыму), их названия приобрели и другие эпитеты: Пегая, Пестрая, Муратова, но чаще это уже названия, связанные с иным, русским способом обозначения места — Залесская, Заяицкая орда, например: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую Землю? То ты была орда Залѣсская. А не бывати тобѣ в Батяя царя» (Задонщина. XV век, список XVII века).

У слова *орда*, таким образом, к XVI веку появляется значение удела, области, земли.

«Вываживаль товары здѣшняго гдѣрства ис твоеи гдѣрвы области в иные орды» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. I. СПб., 1883, документ 1586 года); «Старинная татарская земля или орда не всемъ знаема» (Книга глаголемая космография, сиречь описаніе сего света земель и государств великих. 1670); «А того де хана орда своя, гдѣ онъ живетъ, городъ у него деревяной, а около вал земляной» (Дополнения к Актам историческим. Т. III. СПб., 1848, акт 1646 года).

Последний пример свидетельствует о том, что словом *орда* могла обозначаться и крепость, поселение сторожевого назначения, стан, пограничная область, обслуживаемая гарнизоном крепости и называемая по городу-крепости.

Отсюда в XVII веке появляются такие наименования, как Белгородская, Перекопская и даже Казацкая, Казацья орда: «Пришоль въ Черниговъ и сказался выходцомъ Иванкомъ Квашинимъ, а служилъ въ рейтарскихъ порутчикахъ въ Степановъ полку... а былъ въ Бѣлогородской ордѣ» (Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. III. СПб., 1884, акт 1678 года); «Из Бухар из Балха и из Казацкие орды и из калмык и из иных многих орд» (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Т. I. М., 1932, документ 1641 года).

Таким образом, заимствованная некогда конструкция наполнялась новыми, русскими чертами, была вовлечена в орбиту русских семантических и синтаксических процессов.

Первые случаи употребления термина Золотая орда в русских источниках связаны именно с городом, древней столицей улуса Бату — Сараем: «Лета 7096-го послал царь и государь в Астрахань города делати каменного Михаила Вельямина да дияка Дея Губастова, и велел ломати мизгити и полаты в Золотой Арде и тем делати город. И зделан город безчисленно хорошо». Здесь «Пискаревский летописец» (памятник XVII века) сообща-

ет, что в 1587—1588 годы остатки города Сарая (его палаты и мизгити, то есть мечети) были разобраны и использованы как строительный материал для возведения Астраханского Кремля. Это самое раннее русское летописное употребление термина Золотая орда. Самый ранний из известных нам (целепописных) примеров относится к периоду 1549—1558 годов: «Братъ Якупа Сльпаго, иже отъ Златыя орды» (Житие Ефросинии Суздальской).

В источниках XVII века также есть примеры употребления термина Золотая орда как названия города: «По той рѣки по Ахтлубъ стоитъ Золотая орда» (Хождение на Восток Ф. А. Котова. 1624).

Значение города, столицы татарской державы сохранялось у сочетания Золотая орда и в XVIII веке. «По взятии Сумеркента Батый близ оного построил Сарай, или дворец, который и в русских источниках Сарай и Золотая орда именован» (В. Н. Татищев. История Российская. Т. III. М., 1774). Такие же догадки высказывались историками и позднее: «Название Золотой орды возможно произошло... от дворца, выстроенного Батыем на луговой стороне Волги и названного Шери-Сарай, то есть золотой дом» (М. И. Образцов. Золотоордынская Астрахань.— В кн.: «Астрахань в кармане». Астрахань. 1925).

Правда, Золотой ордой именовалась кочевая ханская ставка, которая не всегда могла находиться в Сараях. Однако на каком-то этапе развития торговли, оседлости кочевых племен Поволжья это совпадение ханской ставки, центра с городом, столицей государственного образования неизбежно было произойти.

Заметим, что для XVI—XVII веков было вообще характерно распространение названия центра, крепости, главного города, столицы на область, тяготеющую к центру, на землю, государство в целом. Так, в это время Русь нередко называли Московией. «Что Московия занимает первое место в титуле русского царя, это следует приписать не древности ее, а достоинству,— писал в 1661 году барон Меерберг.— Даже свое имя, заимствованное от речки... она передала всей России и всем обитающим в ней народам: это имя принято всеми с таким одобрением, что много уже лет эта страна называется обыкновенно „Московией“, а жители ее общим для них в свете именем „москвитянин“».

Несомненно, что в XVI—XVII веках такая конструкция (Белгородская орда, Казачья орда) была уже не столько названием города, сколько области, земли, государства, названного по главному городу. Это дало повод к тому, что и термин Золотая орда был, по-видимому, тогда перенесен на целую область — на всю существовавшую некогда на этой территории татарскую державу.

Характерно употребление термина Золотая орда в «Казанском летописце», воссоздающем ее историю в XVI—XVII веках. Здесь мы находим наряду с *Большая, Великая орда* сочетание *Царство Златыя Орды*: «Бысть же злогорькая та и великая власть варварская надъ Рускою землею отъ Батыева времени по царство тоя же Златыя Орды царя Ахмата... и по великаго князя Ивана Васильевича Московского»; «Царь Ахмать воспримъ царство Златыя Орды по отцъ своемъ, Зелет-салтанъ цари и посла къ великому князю Московскому послы своя»; «При семь же царе Ахмате... до конца Большая Орда запусеть».

Издавна со словом *золотой* в русском языке связывалось много прекрасных понятий. Вспомним хотя бы «золотое (мудрое) слово» князя Святослава, «со слезами смешанное» (Слово о полку Игореве); Золотые (главные) ворота в Киеве и Владимире; сочетание *золотые руки*. Очевидно, эта эмоциональная нагрузка слова долго мешала упречению обозначения «загорькой той варварской власти» словосочетанием со словом *золотой*.

Не случайно в XVIII веке историк В. Н. Татищев нигде не пользуется термином Золотая орда для обозначения державы Батыя (см.: Истории Российской. Т. III, глава «Нашествие Батыево»). Но это не мешает тому же В. Н. Татищеву-географу использовать данное сочетание в «Избранных трудах по географии России» в 1737 году: «О званьях. Како древние звания тех мест напред сего именованы было, например, Киевская именуется додесе Малая Русь, Московская и Смоленская, за едию Белая Русь... Рижская и Ревельская именовали варяги, Казанская болгары, Астраханская, Ногайская именованы были и Золотая орда» (М., 1950).

Вот еще примеры XVIII века: «Неумолковъ. Мы происходимъ прямо

ГОРЫ РУССКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ

Веселым, розовощекиим катанием с гор сопровождался зимние гулянья в старой России. Помните у Чехова в рассказе «Шуточка»: «Ясный, зимний полдень... Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном».

В воспоминаниях Д. И. Ульянова находим: «Зимой на Свяге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы». В деревнях и одноэтажных городах ледяными горами становились естественные спуски. В городах покрупнее строили деревянные «ледяные горы». Лучшие архитекторы возводили в загородных царских резиденциях (в Царском Селе, Ораниенбауме и других местах) «катальные горки». Наконец, век электричества привел за собой так называемые «американские горы».

Они появились в нашей стране в конце XIX века. Вместо рогожек и санок по рельсам, проложенным по крутым подъемам и спускам, мчались электрифицированные

тележки. Зимний вид развлечения стал круглогодичным. Прежние нехитрые сооружения, создаваемые не столько человеческими руками, сколько природой, превратились в доходные предприятия.

«Насколько я знаю,— писал известный в свое время специалист по организации гуляний и аттракционов А. Алексеев-Яковлев (Русские народные гулянья... Л., 1948),— первые такие горы были построены в Нижнем Новгороде на территории Всероссийской выставки 1896 года... Лучшие „американские“ горы были сооружены несколько лет спустя в Петербурге». В советское время эти горы были заново отстроены (и торжественно открыты 17 мая 1934 года). В годы блокады они сгорели; как сообщила газета «Вечерний Ленинград», в городе на Неве предполагается построить новые американские горы.

Свое название этот аттракцион получил, скорее всего, по соображениям коммерции. См. у того же А. Алексеева-Яковлева: «Такие горы почему-то — вероятно, рекламы ради — именовались у нас американскими, хотя за границей носили большей частью название русских». Мысль о рекламно-завлекательном характере такого названия проскальзывает и у В. Маяковского: «Парам

отъ вышедшихъ изъ золотой орды мурзь» (Лукин. Пустомеля. 1765); «Насадители сихъ деревь были татара, которые жительствовали въ сси степи и подъ именемъ Золотой орды были извъстны» (Лепехин. Путешествие. Т. I. 1771); «Въ то время, какъ потомки Чингисовы, царствуя в Дашта-Кипчакъ (что Россійские летописи называютъ Золотою ордою) владычество свое простерли на разделенную Россию на уделы» (Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири); «Тугарицъ. Речитативъ: Царь Казанской, Астраханской, Чипчатской золотой орды Всемощный повелитель, Другъ солнечевъ, братъ луны» (Державин. Добрыня. 1808).

Ясно, что и в XVIII веке термин Золотая орда продолжал еще связываться с понятием географическим, иногда даже и этнографическим. Юридического, политического аспекта у него еще не было.

Формирование исторического термина Золотая орда на протяжении XIX—XX веков и его судьба в русской и западноевропейской исторической литературе могут и должны быть предметом особого исследования.

Г. А. БОГАТОВА

победнее — многоместный автобус „Кони-Айланд“ — Остров увеселений. После долгой езды вы попадаете в сплошные русские (у нас американские) горы... — и все это в электричестве» (Мое открытие Америки).

Нет сомнения, что термин *американские горы* — принадлежность нашего языка: он отмечен в нескольких крупных советских толковых словарях русского языка, а также в ряде русско-иноязычных словарей. Этот термин находим в специализированных изданиях и в массовых газетах 20—30-х годов (журнал «Клуб», газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» и др.), встречаем в художественных произведениях послевоенной поры: «Мы не ездили на острова и на взморье и не катались с американских гор. Мы вообще мало гуляли» (Чаковский. Это было в Ленинграде).

Американские горы, появившиеся в России на стыке XIX—XX веков, оказались той реалией, раннюю историю которой, а также историю соответствующего названия восстановить оказалось весьма трудно. Потому что соответствующие публикации и устные показания старожилов относятся к более позднему времени. Это заставляет нас утверждать, что в начале 20-х годов терминологическое сочетание *американские горы*

уже было фактом русского литературного языка: «Все эти перекидные качели, все эти прыгающие лестницы и бесконечно бегущие дорожки и американские горы — все они не вырабатывают и малодобротного суррогата счастья» (Федин. Города и годы. 1923—1924).

20—30-е годы дают и примеры разного употребления термина.

Так
летит,
летит
германская марка
с долларовых
американских гор.
Маяковский. Уже! (1923)

«Взгляните на любой склад [материалов], и вы увидите, какие американские горы там выросли» («Красный Треугольник», 2 августа 1932). Как видим, в образной речи «обыривалась» наиболее бросающаяся в глаза сторона реалии — высота, грандиозность сооружения (в Ленинграде вагонетки поднимались на уровень Зимнего дворца, за границей — еще выше).

Метафорическое употребление термина *американские горы* зависело и зависит от индивидуального умения